

УДК 1 (091)

Новоевропейская идея метода и ценности эпохи Просвещения

И. И. Лещинская, кандидат философских наук, доцент*

Статья анализирует идею метода, которая была обоснована в контексте европейской философии XVII в., и ее значение для развития и утверждения базовых ценностей Просвещения. Особое внимание уделяется идеям равенства, свободы и прогресса, которые были тесно связаны с идеей метода и свое философское обоснование получили в гносеологических учениях XVII в. Эти идеи были восприняты европейским Просвещением и позиционированы в качестве аксиологической системы координат новой эпохи в истории человечества. Учение о методе как проект совершенствования разума и реформирования философии, реализованный в XVII в., получил свое логическое развитие в виде программы преобразования общества в XVIII в. Это учение явилось своего рода философским эскизом «проекта модерн» как грандиозного интеллектуального предприятия Просвещения. Ключевые слова: метод; рационализм; равенство; свобода; прогресс; ценности Просвещения; «проект модерн».

European Idea of the Method and the Values of the Enlightenment

I. I. Liashchynskaya, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article analyzes the idea of the method, that was justified in the context of the XVIIth century, and its importance for the development and approval of the basic values of the Enlightenment. Special attention is paid to the ideas of equality, freedom and progress, which were closely related with the idea of the method and received its philosophical foundation in epistemological doctrines of the XVIIth century. These ideas were accepted by the European Enlightenment and positioned as axiological coordinate system of a new era in the history of mankind. The doctrine of the method as a project of improvement of the mind and reformation of the philosophy was implemented in the XVIIth century and got its logical development as a program of social transformation in the XVIIIth century. This doctrine was a kind of philosophical sketch «project of modernity» as a grand intellectual enterprise of the Enlightenment.

Keywords: method; rationalism; equality; freedom; progress; values Enlightenment; «project of modernity».

Становление и развитие новоевропейской философии было неразрывно связано с постановкой и решением проблемы метода. Это не просто одна из значимых проблем философии XVII в., а метафизическое пространство становления классического типа рациональности и обоснования фундаментальных ценностей века Просвещения. Идея метода может быть представлена как своего рода матрица, в которой имплицитно содержались парадигмальные установки XVIII столетия, ставшие определяющими для последующего развития не только европейской философии, но и культуры в целом.

Проблема метода была артикулирована и всесторонне обоснована в главных философских программах Нового времени. По мнению мыслителей XVII в., метод знаменовал собой радикальное усовершенствование ума и воплощал собой наиболее адекватный способ его бытия и функционирования. Методично организованный разум был представлен мыслителями как важнейшее

и необходимое условие его истинности, строгости и продуктивности. Неукоснительное следование методу открывало необозримые перспективы для превращения познания из случайного и почти эзотерического акта в процесс планомерного и систематического производства истинного знания, в деятельность, которая демонстрировала свободу и безграничные возможности разума. Несмотря на достаточно напряженное противостояние между основными гносеологическими программами XVII в., в качестве которых выступили эмпиризм и рационализм, различия между ними имели по преимуществу тактический характер, так как в вопросах стратегического характера они обнаруживали удивительное единодушие. Представители данных программ не мыслили достижение достоверного знания без истинного метода, потому что были убеждены, что «ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы» [1, с. 12]. Эта проблема глубоко и на разных онтологических основаниях была проработана

* Доцент кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

в эмпиризме, который репрезентировал себя как оригинальную познавательную программу, благодаря критике стихийного сенсуализма и обоснованию в качестве необходимого условия истинности знания *методично* организованную чувственность. «Ибо, — утверждал Бэкон, — смутный и руководящийся лишь собой опыт... есть не более как движение на ощупь и, скорее, притупляет ум людей, чем осведомляет его» [1, с. 59].

Невозможно также переоценить вклад в дело постановки и решения этой проблемы, осуществленный новоевропейским рационализмом XVII в., все без исключения версии которого пронизаны пафосом торжества научно обоснованного метода как необходимого условия радикального реформирования философии. Свидетельством тому выступили такие работы, как «Рассуждения о методе» Р. Декарта, «Трактат об усовершенствовании разума» Б. Спинозы и «Новые опыты о человеческом разумении» Г. Лейбница, идеи которых явились фундаментом философских систем трех великих рационалистов XVII в. Эти трактаты репрезентируют собой процесс последовательного обоснования новой «онтологии ума», без которой невозможно представить новоевропейскую метафизику. «Традиционный ведущий вопрос метафизики, что есть сущее, превращается в начале новоевропейской метафизики в вопрос о методе, о пути, на котором самим человеком и для человека отыскивается абсолютно достоверная и надежная опора и очерчивается существо истины» [2, с. 118].

Следует отметить, что данная проблема имела не только гносеологическое значение, но и мощное социальное звучание, так как истинный метод — это необходимое условие нравственного совершенствования человека посредством разумного обуздания стихии чувственности и, соответственно, путь великого преобразования общества и достижения всеобщего благоденствия. Успешное завершение битвы разума со страстями было возможно лишь при условии его вооружения строгим и истинным методом. Исследование разума и учение о методе как средстве исправления его несовершенства были не просто связаны с этическими и социально-политическими учениями XVII в., но и выступили в качестве их необходимых предпосылок. В контексте Просвещения эти идеи получили не только всестороннее теоретическое развитие, но и ценностное обоснование, благодаря чему была сформирована просветительская аксиологическая система координат. Более того, просветителями была разработана действенная программа по ее практической реализации, в соответствии с которой «град разума» с необходимостью должен был восторжествовать над невежеством

и несправедливостью. В основание этой ценностной системы были положены идеи равенства, свободы и прогресса, явившиеся прямыми импликациями новоевропейской идеи метода.

Одним из самых ярких символов и одновременно базовых ценностей эпохи Просвещения выступила идея равенства. «Наши надежды на будущее состояние человеческого рода, — утверждал Ж.-А. Кондорсе, — могут быть сведены к трем важным положениям: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами каждой, наконец, действительное совершенствование человека» [3]. Эта идея глубокое рациональное обоснование получила именно в контексте проблемы метода как идея равенства познавательных способностей всех людей, т. е. в гносеологической ипостаси. Так, Декарт, начиная свое «Рассуждение о методе», утверждал, что «...способность правильно судить и отличать истинное от ложного, что, собственно, и именуется здравым смыслом, или *разумом*, — от природы у всех людей она *одинакова*» [4, с. 260]. Причина различий людей скрыта, по мнению философа, лишь в способе применения этой способности. «Ибо мало иметь хороший ум, — утверждал мыслитель, — главное хорошо его применять» [4, с. 260]. Таким образом, суть проблемы достижения истинного знания усматривается не в исключительном характере познавательной способности отдельных личностей, а в правильном и, следовательно, продуктивном ее использовании, которое и олицетворяло собой метод. Данная идея с неизбежностью вела к демократизации познания и демократизации истины, так как обосновывала право любого человека принять участие в процессе познания и обретении истины. В результате и то, и другое утрачивали свой сакральный характер.

Идея равенства достаточно явственно обнаруживает себя в основополагающем принципе картезианской философии — принципе *cogito*, посредством которого мыслитель позиционировал методичное мышление человека как единственно существенное и соответственно значимое для его бытия свойство. Формула *cogito ergo sum* положила начало интерпретации человека в качестве субъекта, удостоверяющего свое бытие в мире только актом «Я мыслю», и тем самым исключила любое иное его определение, кроме самоопределения. *Cogito ergo sum* — это конституирование субъективности посредством исследующего мышления (радикального сомнения), которое вынесло за скобки в силу их несущественности все освещенные земным и небесным авторитетами определения человека, задававшие его нетождествен-

ность другим, и установило в своем лице его единственно истинную детерминацию. В силу этого *cogito* Декарта может быть представлено как гносеологический прототип европейского субъекта права, который явился результатом аналогичной процедуры, суть которой состояла в редукции социокультурных и политико-правовых различий к единому знаменателю — быть носителем равных прав. В эпоху Просвещения многочисленные юридические статусы сначала были подвергнуты сомнению, а затем упразднены.

Не менее ярким свидетельством в этом отношении выступил знаменитый концепт *tabula rasa* Д. Локка. *Tabula rasa* — это манифестация идеи равенства как равных стартовых возможностей для людей, которые различаются лишь своими естественными способностями и силами, то есть идея «...равенства без уравнивания, равенства, допускающего и, более того, оберегающего и стимулирующего естественное несходство людей...» [5, с. 242]. Основное понятие гносеологии Локка «опыт» с необходимостью выражало эту идею. Это понятие означало не только всю совокупность знаний, приобретенных человеком, то есть то, что может быть обозначено как его интеллектуальная собственность, количественные и качественные параметры которой будут зависеть не только от его способностей (в данном случае умственных), но и от способа их применения. Оно также репрезентировало собой собственность в ее материально-вещественной составляющей как результат труда, различающегося в силу естественного неравенства физической природы людей. Мыслитель утверждал, что «...хотя предметы природы даны всем сообща, но человек, будучи господином над самим собой и владельцем своей собственной личности, ее действий и ее труда, в качестве такового заключал в себе самом великую основу собственности» [6, с. 287]. Для Локка, мнению исследователей его творчества, равенство возможностей для реализации естественных различий «...есть, как это ни парадоксально на первый взгляд, лучшее средство для устранения неестественных привилегий» [5, с. 243].

В эпоху Просвещения данная идея не только получила дальнейшее и всестороннее развитие, но и обрела свое первое воплощение в форме интеллектуальной революции. Принято считать, что интеллектуальная революция становится фактом истории не тогда, когда выработан новый способ мышления, а когда он воспринят и освоен широкой общественностью. Новый способ мышления был обоснован философами XVII в., но публичным и всеобщим он становится благодаря неутомимой и разнообразной деятельности просветите-

лей. Именно просветители поставили задачу максимально расширить «зону вещания» разума и создать для всех без исключения равные условия, обеспечивающие приобщение к его достижениям. Чтобы реализовать эти задачи, необходимо было сформировать разнообразные сферы культурного пространства для свободной циркуляции его идей, «сферы свободного и равного обмена». По существу речь шла о создании своего рода социальной инфраструктуры разума, вне которой грандиозная «битва за истину» просто бы не состоялась. Публичные библиотеки, публичные музеи, книжная индустрия, массовые научные издания, периодическая печать — все эти культурные инновации подготовили то, что впоследствии получило название «революция сознания» и явилось свидетельством демократизации культуры. Ю. Хабермас по этому поводу утверждал, что образование публичной сферы, основными чертами которой явились эгалитаризм, общий интерес и аргументированность разумом, создало условия для открытого и общедоступного обсуждения общественных вопросов и имело грандиозное значение для формирования специфической культуры рационально-критического суждения [7].

Одним из наиболее ярких знамений этой «революции сознания» явилась педагогическая революция, теоретическим обоснованием которой выступили философско-методологические принципы XVII в. Идея изначального (природного) равенства способностей с неизбежностью предполагала идею равного права на знание, а следовательно, и на образование. Культ разума в эпоху Просвещения с необходимостью породил культ образования. По убеждению просветителей «правильно руководимое образование исправляет естественное неравенство способностей, подобно тому, как хорошие законы ослабляют естественное неравенство в распределении средств существования» [3]. Неслучайно, одной из основополагающих характеристик эпохи Просвещения является так называемый панэдукационизм, то есть идея универсализации образования, обоснование его в качестве первейшего и важнейшего условия разрешения всех социальных проблем. Впоследствии это привело к закреплению образования не только в качестве гражданской добродетели, но и в качестве гражданской обязанности. «Понятие *образования* (*Bildung*), в то время завладевшее умами, — отмечает Х.-Г. Гадамер, — было, вероятно, величайшей мыслью XVIII века, и именно оно обозначило стихию, в которой существовали гуманитарные науки XIX века, даже если они не знали еще ее гносеологического обоснования» [8, с. 50].

Просвещение не только придало массовый и институализированный характер образованию, но и сделало его научно и практически ориентированным по содержанию и форме. Такие радикальные трансформации со всей остротой поставили задачу поиска средств и способов получения гарантированного результата образовательной деятельности. Просветители не только с воодушевлением приняли идею философии XVII в. о необходимости научного метода в процессе производства знаний, но и обосновали его необходимость в процессе их освоения. Разработанные в европейском философском сознании методологические принципы стали использоваться в качестве теоретических оснований для развития методики как искусства обучения. Методичность в сфере образования обосновывается как важнейший принцип деятельности, направленной на преобразование человеческой природы посредством овладения индивидом определенной сферой практического или теоретического знания. Методика — это своего рода специализированные аппликации научного метода в сфере образования, использование его универсальных правил в этом виде деятельности. Образование, по мнению просветителей, сочетает в себе обучение, ориентированное на развитие интеллектуальных способностей, и воспитание, направленное на «возделывание», культивирование «природы человека». Эти два элемента образования, по их убеждению, неразрывно связаны друг с другом. «Теперь образование теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей» [8, с. 51].

Другой важнейшей ценностью Просвещения и одновременно фундаментальным принципом развернутой им интеллектуальной революции явилась идея свободы, и в силу этого Просвещение зачастую именуют «религией свободы». Проблема свободы со всей остротой ее артикуляции и глубиной разрешения также получила развитие в философии XVII в. в контексте ее методологических учений как свобода познающего разума. Поиск путей обретения свободы разума неразрывно связан с идеей его порабощенности многочисленными «идолами» и заблуждениями и, следовательно, с идеей необходимости борьбы с ними. По мнению мыслителей, это главные враги разума, без искоренения которых невозможна его свобода, а значит, адекватность и результативность его действий. Более того, большинство из них были убеждены, что именно заблуждения являются основной причиной всех бедствий челове-

ства. Эта идея выступила в качестве гносеологического коррелята социальной стратегии, направленной на критику и разрушение существовавших общественных устоев и обеспечения естественного права индивида на свободу. Поэтому учение о заблуждениях «...есть не только пропедевтика новой гносеологии, но и необходимое введение в философское обоснование программ борьбы против всего феодального строя» [5, с. 35]. Эта программа была воспринята Просвещением как руководство к действию. Борьба с «идолами» была перенесена в практическую плоскость и получила форму критики социальных «идолов», воплощениями которых были объявлены, в первую очередь, абсолютизм и католическая церковь. Радикальное сомнение Декарта стало формой радикального недоверия к существующему социальному порядку и формой его критики. Будучи достойными наследниками философских идей XVII в., просветители также были убеждены, что основополагающим условием гражданской свободы должна стать свободная мысль, что явилось основанием объявить себя движением за интеллектуальное освобождение. Однако свобода мысли с необходимостью потребовала свободы действия. Свое логическое развитие и завершение эта критическая работа нашла в особой форме социальной практики — политической революции, когда «на смену оружию критики пришла критика оружием», т. е. за свершившейся интеллектуальной революцией последовали радикальные изменения в политической сфере.

Вместе с тем теория метода содержала не только манифестацию идеи *свободы*, в ее контексте были проработаны и основные стратегии ее реализации. Для новоевропейских мыслителей свобода разума не означает его своеволия, ибо разум должен осуществлять свою «свободу как познанную необходимость». Такой «необходимостью» для разума явились обнаруженные в акте самопознания законы его функционирования. Они, по мнению философов, объективны и общезначимы и в силу этого были представлены ими в качестве истинных предписаний для познающего субъекта, т. е. правил метода. Метод трактовался мыслителями как рационально контролируемое и строгое воспроизведение схем деятельности разума и как искусство управления им в процессе познания. В силу этого метод не только предполагал свободу, но и олицетворял собой необходимость.

Идея свободы, неразрывно связанной с необходимостью, озвученная первоначально в трактатах XVII в., получила свое развитие и воплощение в социально-политических и этических учениях Просвещения. Вслед за Гоббсом и Спинозой,

Гольбах заявил, «что для человека свобода есть не что иное, как заключенная в нем самом необходимость» [9, с. 97]. Для просветителей свобода в ее связи с необходимостью — это наиболее адекватный принцип существования человека в обществе, призванный обеспечить возможность согласования природного и социального в нем. Эта возможность была выявлена в результате апелляции к «законам разума». Именно они выступили мерилом совершенного устройства общества, так как воплотили в себе, по мнению мыслителей, не только «благую истину», но и истинное благо. Поэтому принцип, согласующий свободу и необходимость, был положен в основу концепции естественного права и теории правового государства, без которых немыслима европейская демократия и которыми она обязана, прежде всего, просветителям. Государство — это повеление разума во имя спасения от «войны всех против всех», его законы — это воплощение необходимости укрощения естественного себялюбия и своеволия и достижения единства и согласия на принципах свободы и равенства. Теория разумного эгоизма, столь популярная в эпоху Просвещения, также имела основанием этот принцип, поскольку настоятельно указывала на необходимость разумного управления своим эгоизмом, соотношения своей свободы со свободой другого, без чего немыслимо достижение равновесия частного и общего интереса. По этому поводу Гельвеций утверждал, что «счастье и несчастье народа зависит, по-видимому, исключительно от соответствия или несоответствия интересов частных лиц с интересами общественными...» [10, с. 255].

И наконец, идея метода имманентно содержала такую фундаментальную интенцию европейской классики, как идея прогресса, причем во всех его проекциях. Столь напряженно обсуждаемая проблема метода содержала в себе не только идею усовершенствования возможностей разума как высшей и сущностной способности человека, но и в равной степени идею облагораживания его естественной природы (тема разумного обуздания страстей и обретения свободы путем их познания). А это с неизбежностью привело к идее бесконечного совершенствования общества и его поступательного развития по пути прогресса. Процесс совершенствования разума с помощью метода открывал необозримые возможности для познания природы и ее покорения во благо человека, который благодаря этому обрел также и безграничные возможности для исправления своей природы и общественного устройства. В силу этого «прогресс истины», обеспеченный методично функци-

онирующим разумом, и выступил в качестве «истины прогресса», рост знания должен был с необходимостью обеспечить «все к лучшему в этом лучшем из миров». Разум благодаря открытой в самом себе способности к бесконечному самосовершенствованию обрел конституирующие функции по отношению к природе, человеку, обществу, он получил право созидать жизнь и историю по своему образу и подобию. В силу этого идея метода своим прямым следствием имела идею необходимости и бесконечности социального прогресса.

Таким образом, учение о методе как проект совершенствования разума и реформирования философии, реализованный в XVII в., получил свое логическое развитие в виде программы преобразования общества в XVIII в. Выработанные философской рефлексией в контексте проблемы метода идеи равенства, свободы и прогресса были восприняты европейским Просвещением и обоснованы в качестве аксиологической системы координат новой эпохи в истории человечества. Учение о методе явилось своего рода философским эскизом «проекта модерн» как грандиозного интеллектуального предприятия Просвещения, который, по мнению некоторых представителей современной философской мысли, все еще является незавершенным.

Список цитированных источников

1. Бэкон, Ф. Новый органон / Ф. Бэкон // Соч.: в 2 т. — М., 1978. — Т. 2.
2. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. — М., 1993.
3. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе // Исторические материалы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://old.istmat.info/files/uploads/28689/condorcet_tableau-du-progres-de-raison-humaine.pdf. — Дата доступа: 05.02.2015.
4. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт // Избр. произведения. — М., 1950.
5. Философия ранних буржуазных революций. — М., 1983.
6. Локк, Д. Два трактата о правлении / Д. Локк // Соч.: в 3 т. — М., 1988. — Т. 3.
7. Habermas, J. Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas; transl. T. Burger, F. Lawrence. — Cambridge, 1989.
8. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М., 1988.
9. Гольбах, П. Система природы / П. Гольбах // Избр. произведения: в 2 т. — М., 1963. — Т. 2.
10. Гельвеций, К. А. Об уме / К. А. Гельвеций // Соч.: в 2 т. — М., 1973. — Т. 1.

Дата поступления в редакцию: 07.02.2015 г.